

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я в конце 1980-х годов приехал на время (как тогда мне казалось) поработать в Соединенные Штаты, я и представить себе не мог, что проживу в этой стране значительную часть своей жизни. Я никогда не ставил задачи переехать жить в Америку, да и вообще эмигрировать куда-то из России. Мне было вполне комфортно в Москве, особенно в МГУ, где я с большим удовольствием преподавал отечественную историю. В США я приехал, как полагал, на несколько месяцев — по контракту с парой американских исследовательских центров и одним университетом для чтения курса лекций и написания книги. Однако первый контракт вскоре обернулся предложением мне другого, еще более интересного, потом третьего и т. д. Америка приняла меня к себе без каких-либо особых усилий с моей стороны. Правда, и без особого сопротивления. При этом я продолжал поддерживать тесную связь с Россией, сохранял ее гражданство, часто туда ездил, участвовал в совместных проектах. Последние более чем три десятка лет я жил, по сути дела, в обеих странах, невольно зарабатывая невероятное количество полетных миль над Атлантикой.

За прошедшие десятилетия Америка изменилась очень сильно. Это, безусловно, одна из самых динамичных стран современности. То, что я находился внутри США, но при-

том оставался как бы несколько в стороне, позволило мне особенно ясно замечать все эти изменения. Америка Джо Байдена существенно и практически во всех сферах отличается от Америки времен Джорджа Буша-старшего. Она не стала лучше или хуже, просто она другая. И процесс ее внутренней эволюции, я убежден, далек от своего завершения. Америка все еще страна-подросток, которая находится в поисках самой себя. Можно сказать, что это проект, далекий от окончательного оформления. Мне часто указывают, что ровесником Соединенных Штатов является Большой театр в Москве. Действительно, и Большой театр, и США появились в 1776 году с разницей в несколько месяцев. Россия к тому времени уже была огромной империей с богатейшей историей, многовековыми традициями и опытом, выдающейся культурой и серьезным влиянием на мировую политику. Однако мне представляется, что сравнение возраста целой страны с возрастом одного театра отнюдь не выглядит уничижительно для Штатов. Напротив, за сравнительно небольшой исторический период — гораздо меньший, чем был в распоряжении других великих держав, — США прошли блестящий путь от зарождения где-то на провинциальной обочине тогдашней цивилизации до мирового лидера, от статуса колонии до положения глобальной сверхдержавы, которая на протяжении многих десятилетий в значительной степени определяет то, как развивается весь наш мир. Другими словами, Соединенные Штаты — молодая по возрасту и духу страна, за очень короткий срок добившаяся феноменального успеха как в построении самой себя, так и в достижении глобального влияния.

Конечно, нет никаких гарантий, что успех предыдущих двух с половиной веков Америки обязательно обернется успехом следующих. Как историк, я отчетливо понимаю, что всему рано или поздно приходит конец: людям, политическим режимам, странам, экономическим системам... Тем

не менее я не вижу оснований для провозглашения «конца истории». Наоборот, я вижу, как мы — все человечество — входим в новый длительный исторический период, где прошлые успехи и достижения не смогут помочь тем, кто будет слишком сильно на них уповать, недооценивая необходимость национального динамизма и обновления. И то, что Америка продолжает демонстрировать подобный динамизм, проявляя свою неумемную национальную энергетику, является залогом того, что ее дни как сверхдержавы отнюдь не подходят к концу и ее могильщикам не стоит слишком оптимистично оценивать «угасание США». По крайней мере, это мое мнение, которое я никому не навязываю.

Динамизм американской жизни снова позволил мне написать очередную — четвертую в данном ряду — книгу про народ Америки, образ жизни, менталитет и логику мышления жителей этой большой страны, их взгляд на себя и на мир вокруг. Причем я не повторял того, что уже было написано мною в предыдущих книгах. У данной книги есть еще одна особенность: я пошел на определенный риск и включил в нее несколько десятков американских примеров того, что в России называется анекдотами. Зачем я это сделал? Я убежден, что то, над чем смеется тот или иной народ, как именно он шутит (в том числе и над собой), является важнейшей характеристикой его глубинной культуры и мышления. Ведь не секрет, что любой народ всегда смотрит на жизнь через призму национальных стереотипов и клише. Юмор — самый естественный, природный, если хотите, элемент национального характера и восприятия окружающей действительности. У каждого народа, в каждом языке юмор уникален. Его невозможно сфальсифицировать, имитировать или навязать извне. Его не может отредактировать никто, кроме меняющегося времени. Американский юмор — неотъемлемая часть американской культуры: как элитарной, так и массовой.

В чем же заключался риск включения этих анекдотов в книгу? Дело в том, что юмор нельзя адекватно — с сохранением всех оттенков и смыслов — перенести в другой язык. Любой иноязычный юмор непереволим или почти непереволим. Если же его все-таки удастся перевести, то он, как правило, теряет почти все нюансы, смыслы, значения и становится или просто несмешным, или, что еще хуже, тупым и вульгарным. Массовый юмор в любой стране неразрывно связан с общей культурной атмосферой, национальной историей и искусством — именно оттуда тянутся связующие нити, делающие шутку шуткой. Если вы не ходили в советскую школу, не были в армии, не смотрели мультики или классические фильмы (такие, например, как «Джентльмены удачи», «Бриллиантовая рука» или «Белое солнце пустыни»), не знаете, кто такой Чапаев или Вовочка, чем были смешны Леонид Ильич или чукча, не имеете представления о деталях обихода и повседневной жизни, национальный юмор вам будет недоступен.

Мой риск заключался в том, что я не планировал расшемить читателя этой книги. Я стремился показать ему, над чем имеют обыкновение смеяться американцы. Юмор, повторю, — очень деликатная и сокровенная часть национальной культуры, практически непереносимая в другую социальную и языковую атмосферу.

У американцев замечательный юмор, но понять его не носителю языка (да пусть даже и носителю, но не американцу) почти невозможно. Как, впрочем, и российский юмор, и любой другой. Одна из моих первых работ, опубликованных в США много лет назад, была посвящена советскому (в основном политическому) юмору периода застоя, перестройки и распада СССР. Все, что я фиксировал в ней, было очень смешно, пока я не увидел перевод собственного текста на английский язык и не услышал просьбы американцев объяснить ту или иную шутку. Как читатель понимает, объ-

яснить шутку невозможно. В конце концов я просто стал говорить, что это смешно звучит на русском языке и над этим смеются в России. Я просил американцев поверить мне на слово и воспринимать российские анекдоты не как развлекательный элемент, а как срез национальной культуры, менталитета и общественного настроения, характерный для страны в определенный исторический момент. Точно так же я прошу читателя относиться и к американским анекдотам в этой книге.

Однажды, много лет назад, в составе небольшой группы политологов мира мы ужинали в президентской резиденции Бочаров Ручей (в Сочи) с Владимиром Путиным. Шел длинный и серьезный разговор. Чтобы его немного разнообразить, Путин (человек с большим чувством юмора и огромным запасом шуток) рассказал такой анекдот: «В Грузии турист едет на машине по горной дороге и видит дорожный знак, на котором изображены два крупных яйца. Он в недоумении проезжает мимо, не понимая, что значит этот знак. Через полсотни метров турист видит местного гаишника, притормаживает и спрашивает у него: “Скажите, пожалуйста, что означает это знак с двумя яйцами, который я только что проехал?” Грузинский гаишник эмоционально реагирует: “Вах, дарагой! Вах, Вах! Как не знаешь, дарагой? Это значит, что через двести метров дорога раздвайца!”». Рассказывая эту шутку, Путин даже немного изобразил грузинский акцент. Я не знаю, что чувствовали переводчики-синхронисты, потому что перевести такое совершенно невозможно. Поздно вечером в гостинице мои иностранные коллеги потребовали, чтобы я объяснил смысл путинской шутки. Я как мог удовлетворил их любопытство — однако было очевидно, что юмористическая составляющая осталась для них полной загадкой. Кстати, эта шутка вошла в несколько книг о Путине, написанных позже моими коллегами, которые присутствовали на том ужине.

Безусловно, в юморе разных стран и народов имеются принципиальные различия. Я вижу как минимум два отличия американских анекдотов от российских. Первое: американцы позволяют себе смеяться над всем, безо всяких ограничений. Например, в США немало очень популярных, однако жестоких и унижительных шуток на тему матерей. В каждой из своих книг на данную тему — «Америка... Живут же люди!», «Америка: исчадие рая» и «Империя свободы» — я уже писал о таких шутках, поэтому в этой книге их не будет. В России (да и во многих других странах) за подобные шутки сразу можно было бы получить по физиономии. Второе: американцы в собственных анекдотах практически всегда выглядят глупо. Они в шутках — всегда та сторона, над которой смеются. Этим американские анекдоты отличаются от российских, в которых русские обычно самые находчивые, ловкие и сильные по сравнению с другими героями. В любом «классическом» русском анекдоте про «встречаются немец, француз и русский...» можно быть уверенным, что русский так или иначе возьмет верх. В американском же варианте («встречаются немец, француз и американец...») американец будет наиболее неадекватным персонажем. Даже, можно сказать, самым тупым. Американская традиция смеяться над всем, но в первую очередь — над собой получает в шутках максимальное воплощение. Лично мне эта практически безграничная национальная самоирония нравится. Но повторю: пусть читатель не ждет, что ему при чтении подобных шуток обязательно будет смешно.

Я пишу эти строки 16 августа 2021 года, когда американцы спешно эвакуируют свои войска из Афганистана. Хотя моя книга не про политику, мне неизбежно приходится периодически к ней возвращаться. Уход США из Афганистана, на мой взгляд, явился не просто американским поражением. Я оцениваю его как фундаментальное отступление всей современной цивилизации, построенной на принципах свет-

ского государства, свободы человеческого выбора и социального прогресса. Конечно, неудача в Афганистане окажет определенное воздействие на Соединенные Штаты, однако я убежден: в долгосрочной перспективе гораздо большее воздействие она окажет на весь мир. Каким именно будет это воздействие, покажет ближайшее будущее, однако в том, что оно будет негативным, сомнений у меня нет.

В любом случае, работая над этой книгой, я не ставил задачу убедить кого-то полюбить Америку, либо разочароваться в ней, либо возненавидеть ее еще больше. Я выступал в роли нейтрального, но доброжелательного наблюдателя за этой большой, разнообразной и быстро меняющейся страной, населенной замечательным и трудолюбивым народом, среди которого, как, естественно, и везде, встречаются отнюдь не замечательные, даже отталкивающие, отвратительные люди. Америка не рай земной: все, кого данная тема касается, это давно уже поняли. Но она представляет собой попытку американцев построить максимально возможный рай для себя. Может быть, эта попытка и не удастся, как не удалось это сделать ни СССР, ни другим государствам, стремящимся найти наиболее привлекательную и эффективную модель общественного устройства. Мировая история в какой-то степени кладбище этих попыток. Но американский эксперимент еще вовсе продолжается. И пока он продолжается, пока Америка остается самой влиятельной страной на планете, с выдающейся экономикой, высочайшим техническим уровнем и мощнейшей армией, нам всем надо иметь максимально адекватное представление об этой стране. Очищенное от пропаганды «за» и от пропаганды «против», от оценки Америки только по ее шагам во внешней политике или сиюминутным внутренним изменениям.

Меня всегда поражала огромная пропасть между количеством американских новостей, фактов, имен, событий, ежесекундно заполняющих собой эфир всего мира, с одной

стороны, и минималистским, упрощенным, односторонним, даже фальсифицированным знанием мировой общественности о реальной Америке, с другой стороны. Уже много десятилетий Америка является главным и объектом, и субъектом мировых информационных потоков. Однако в этих потоках парадоксальным образом почти нет самой Америки, нет американцев. Я надеюсь, что данная книга поможет кому-нибудь более отчетливо увидеть Америку такой, какая она есть, а не такой, какой ей самой хотелось бы казаться — или какой Америку изображают ее искренние и фальшивые друзья, союзники, враги и конкуренты.